

УДК 82.09

**«МОЙ МИР» Н.В. КОЛЯДЫ
КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ КОНЦЕПЦИИ АВТОРА**

© 2018 г.

Е.И. Канарская

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

ek-uf@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.10.2018

Анализируется сформировавшаяся в творчестве драматурга Н.В. Коляды концепция автора, проявляющая себя с помощью устойчивой художественной конструкции «Мой Мир». В процессе исследования были применены диалектический, сравнительно-сопоставительный и системный методы. Интерпретация ремарки, посвященной «Моему Миру», показывает, что в пьесах Коляды автор выступает одновременно как демиург, творящий условную реальность произведений, и как наблюдатель, наряду с действующими лицами включенный в процесс ее познания. Раскрывая свою концепцию автора, драматург использует модели «биографического автора», «автора – носителя концепции» и «автора – субъекта речи», каждая из которых отражает противопоставленность «Моего Мира» внешней враждебной реальности и онтологический дуализм эстетико-мировоззренческой системы драматурга в целом.

Ключевые слова: Николай Коляда, «Мой Мир», паратекст, автор в драме, концепция автора.

Начавшаяся в рамках «новой драмы» конца XIX – начала XX в. «эволюция субъектных и внесубъектных форм выражения авторского сознания» [1, с. 150], не останавливавшаяся на протяжении XX столетия, привела к тому, что одной из основополагающих особенностей отечественной драматургии рубежа XX–XXI вв. стала существенная трансформация роли автора, сопряженная с нарративизацией драматического текста.

В силу своей способности актуализировать индивидуальные особенности повествователя (нарратора) нарративизация, обеспечивающая «особую точку зрения на мир и особый способ его презентации через идентификацию автора как личности» [2, с. 103], влечет «смещение классических ролевых дефиниций драматургического текста» [3, с. 136], а также изменение форм авторского присутствия в драме. В частности, автор получает возможность проявить себя не только «через расположение и соотношение частей» пьесы или «через речи действующих лиц» [4, с. 86], но и непосредственно на текстуальном уровне, через собственные высказывания, выраженные с помощью ремарок и афиши.

Так, по словам С.П. Лавлинского, в современной драме происходит «превращение так называемого «паратекста» в «основной текст»» [5], то есть поэтико-содержательное преобразование авторского слова, утрачивающего «функцию сугубо технического руководства к постановке» и становящегося «семантически нагруженной составляющей речевого взаимодействия действующих лиц» [3, с. 137]. Благодаря раз-

вернутым, характерологически значимым, эмоционально наполненным ремаркам автор получает возможность начать открытый диалог с реципиентами художественного произведения, выступая при этом в роли носителя «доминантного сознания» и (или) ««свидетеля», причастного к событиям, происходящим в произведении» [6, с. 69–71].

Несмотря на то что «субъективизация» автора является общей тенденцией развития новейшей драматургии, в творчестве отдельных писателей она находит наиболее последовательное и явное выражение. К числу таких драматургов относится Н.В. Коляда, пьесы которого отличает «выраженное субъективное авторское начало, присутствие автора в самом тексте» [7, с. 11]. Развернутые ремарки, выступающие неотъемлемой частью любого произведения драматурга, способствуют как нарративизации и эпизации драматического текста, так и появлению законченной концепции автора, сложность которой порождает противоречивые суждения исследователей.

С одной стороны, существует мнение, что «в пьесах Коляды автор находится в созданном им мире вместе с персонажами, он играет роль наблюдателя, комментатора» [7, с. 13]. С другой стороны, согласно диаметрально противоположной точке зрения, в драматургии Коляды «автор предстает перед читателем как некий творец, который не просто стоит выше персонажей, но и способен ими управлять» [8, с. 11].

Представляется, что снять противоречия позволяет конструкция «Моего Мира», подробно описанная Колядой во вступительной ремарке к

пьесе «Полонез Огинского», но проходящая через все творчество писателя.

«Мой Мир» изображается Колядой как субъективная реальность, в которой автор является одновременно демиургом и наблюдателем. «Мой Мир» наполнен образами, любимыми его создателем: людьми, животными, локусами, а также диалогами, действиями и событиями: «В этом Моем Мире есть улицы, знакомые мне до мелочей, дороги и тропинки, по которым я ходил сотни раз...»; «Есть в Моем Мире люди, есть много людей: моих любимых, моих близких, моих дорогих людей» [9, с. 5] и т. д.

«Мой Мир» существует по законам, определяемым автором и независимым от тех, которые действуют во «внешней» действительности: «Есть прошлое мое, будущее и настоящее – они в одном комке, сразу, вместе...»; «Осень в Моем Мире занимает много места, гораздо больше, чем в этом, в вашем»; «Очень многих людей, которые умерли, я взял в свой мир, в МОЙ-МИР...» [9, с. 5].

Наконец, именно в «Моем Мире» в результате творческой работы автора возникают миры его пьес, создание которых описывается как процесс обретения ранее не осознаваемого, но всегда присутствовавшего: «Пустое пространство заполнилось, все встало на свои места, и теперь... я понял, что и эта картина, и эти люди были всегда со мной, но не спешили тревожить меня разговорами,... – и вот теперь пришло Время, они ожили, ходят по улицам в МОЁМ ПРИДУМАННОМ МИРЕ, в МОЕМ МИРЕ» [9, с. 6]. Примечательно, что и такая модель взаимодействия с персонажами, и описание творческого процесса у Коляды («Переводная картинка на старой потрескавшейся стене дома в Моем Мире убирает с себя белую пленку... краски становятся ярче, все обретает контуры, цвет и свет...» [9, с. 6]) явно перекликаются с «Театральным романом» М.А. Булгакова («Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье... Тут мне начало казаться по вечерам, что из белой страницы выступает что-то цветное. Присматриваясь, шурясь, я убедился в том, что это картинка. И более того, что картинка эта не плоская, а трехмерная...» [10, с. 91] и т. д.), что говорит о некоторой общности художественного мировоззрения двух писателей.

Таким образом, благодаря исследуемой конструкции автор у Коляды выступает одновременно и как демиург, творящий «Мой Мир» и все, что в нем находится, включая образную систему пьес, и как часть «Моего Мира» – наблюдатель и равноправный участник процесса познания: эти роли неотделимы и свободно пе-

реходят друг в друга. Пользуясь трехаспектной концепцией автора, предложенной Б.О. Корманом, можно сказать, что для раскрытия обеих ролей Коляды в равной мере обращается к моделям «биографического автора», «автора – носителя концепции» и «автора – субъекта речи» [4, с. 8].

В первую очередь, будучи демиургом, «биографический автор» в пьесах Коляды свободно вводит в ткань создаваемых произведений свою мифологизированную биографию, находящую отражение как в ремарках, так и в сценическом действии. С другой стороны, «впуская» в свою биографию создаваемых персонажей, он сопоставляет себя им, соединяет их жизнь со своей.

Зачастую автор открыто указывает на автобиографический характер различных образов – как правило, локуса, который становится местом действия («Почтовое отделение. Моё. Номер двадцать шесть» [11, с. 180]; «... Есть на свете одна ветеринарная больница. Приземистое такое здание буквой «П», выкрашенное в желтый цвет... Я сам носил туда лечить своих кошек» [12, с. 206]), или персонажей («Римма, ветврач этой больницы – умерла. На самом деле ее звали Ирка Лаптева. Это она на двери моей квартиры когда-то гвоздем нацарапала: “Балда ты...”» [12, с. 206–207]). В последнем примере автор не просто «материализует» образ человека из своего прошлого, но и буквально возвращает его к жизни, подтверждая собственное всевластие в «Моем Мире»: «Ирка Лаптева – Римма – умерла... Неправда. Я пишу эти строчки, а она стоит сзади меня: в белом халате, штанах, кроссовках» [12, с. 207]. Некоторые образы (кошки, черепаха Маня) воспроизводятся в различных пьесах, в которых конструируется, таким образом, единый биографический миф.

В ряде случаев события биографии автора и героев сливаются настолько, что между персонажами и их создателем стирается всякая граница. Так, действие пьесы «Картина» предваряется характерной для произведений Коляды вступительной автобиографической ремаркой: «Я шёл по улице, там, где подвальчик, на углу Бажова и Куйбышева... в котором я когда-то стоял в очередях и сдавал пустые бутылки... И вот у подвальчика у этого подумал вдруг что-то страшное и странное. Потому что вдруг толкнуло в бок, нет, в грудь, или в животе застучало ногами что-то или кто-то...» [13, с. 4].

Именно в этом «подвальчике» происходят события пьесы, в финале которой Бабенка, ее дочь и Старик отдают все, что у них есть, чтобы Вьетнамец смог вернуться на Родину. Когда другие действующие лица засыпают, Вьетнамец, до того молчавший, повторяет вступитель-

ную ремарку в форме монолога, как будто сливаясь с автором или, во всяком случае, обнаруживая внутреннее сходство с ним. Вьетнамец объясняет, что же «толкнуло» автора вначале: это крохотное черное существо с тонкой кожей, которому причиняет боль любой подлый, бесчестный поступок его «носителя». Именно так выглядит Бог, хранящий в себе идею всеединства, объединяющую автора и всех персонажей пьесы: «Он – то царствие небесное, которое в тебе. Он с чёрной кожей, но от Него свет яркий, тот свет – который в тебе. Он – Бог и Он – это ты. Это я» [13, с. 25]. Вероятно, это и есть тот Бог, о котором Коляда пишет в «Полонезе Огинского»: «Есть в этом Моем Мире и Бог, МОЙБОГ, не ваш; Бог, которого я придумал и с которым разговариваю всегда, каждую минуту» [9, с. 5].

Особым случаем автобиографизма является саморазоблачение автора как творца и обнажение процесса творчества. Например, пьесу «Откуда-куда-зачем» открывает ремарка: «..Я знаю, что это произойдёт, потому что много раз было именно так: я сидел и писал, я выдумывал всякую глупость... а потом эта глупость... становилась явью, настоящим, и я никак не мог оттолкнуть от себя мысли о том, что это я сам... вызвал Это из небытия... Это Хочет Быть. Я – не хочу...» [14, с. 108]. В приведенном отрывке автор одновременно и демиург, открыто творящий очередную часть «Моего Мира», но в то же время – персонаж, играющий свою роль, проводник не просто несчастья, а Этого – страшного, необъяснимого для него самого начала. Именно в данном контексте дуализм значения автора подводит к вопросу о воплощаемой им художественной и философской концепции.

Ввиду того что мир художественного произведения, по собственному признанию автора, сделанному в «Полонезе Огинского», является порождением его сознания (или подсознания), можно предположить, что эстетико-мировоззренческая модель, по которой этот мир построен, также находится во власти авторского усмотрения.

Подобно тому, как различные пьесы Коляды «собирают» единый автобиографический миф и его героя, они воплощают единую идейно-поэтическую концепцию. В ее основе лежит мысль о проникновении в жизнь деструктивного, хаотического начала, которое, при отсутствии сопротивления, погружает героев в состояние бытийной бессмыслицы, зацикленности, «чернухи», аксиологического вакуума и эсхатологической обреченности. Внешними средствами выражения создаваемого «онтологического хаоса» служат, в частности, перегруженность интерьера вещами, в том числе парадоксально неуместными в данной обстановке, нестабиль-

ность и неустроенность видимой реальности, а также устойчивые звуковые (странные, резкие звуки), цветовые и световые (мигание ярких, зловещих цветов, резкая смена света и тьмы), предметные (бумажные цветы, разбитые или занавешенные зеркала и т. д.) символы, свидетельствующие о присутствии в мире ирреальной, смертельной и неподвластной человеку силы.

Если мы допускаем, что автор в пьесах Коляды действительно целенаправленно организует мир своих произведений в соответствии с данной инвариантной моделью и вводит в него указанные маркеры хаоса, то следует констатировать, что в этом состоит высшее проявление его демиургической природы.

С другой стороны, впуская хаос в жизнь своих персонажей, автор автоматически допускает его вторжение в «Мой Мир», становясь столь же уязвимой его жертвой. Данное обстоятельство превращает автора в рядового персонажа, чья жизнь подвержена трагическому разрушению. Именно данная стратегия реализуется при противопоставлении авторского «Моего Мира» миру «вашему» – внешнему, о чем речь пойдет ниже.

Слиянность «автора-создателя» и «автора-героя», отличающая пьесы Н.В. Коляды, отражается и в формах реализации автора как субъекта речи, который в полной мере проявляет себя в ремарках. По своему содержанию и стилистическим особенностям ремарки в произведениях драматурга могут быть разделены на два вида: «ремарки – лирические отступления» и «описательные ремарки».

Первый вид характеризуется повышенной экспрессивностью (маркируемой многочисленными восклицательными конструкциями, обилием лексических единиц с выраженным коннотативным аспектом значения) и (или) философским пафосом и раскрывает либо онтологический (всегда – трагический), либо интимный, глубоко личный для автора подтекст происходящего. Очевидно, что в такого рода ремарках автор максимально «надбытиен» по отношению к своим персонажам.

Примерами подобных «лирических отступлений» могут служить уже приводившийся отрывок из «Откуда-куда-зачем» или ремарка из «Жанотье», где автор говорит о всепроникающей Живой Смерти: «Она гуляет по дворам, по грязным подъездам... Пугает, пугает и – убегает, хрипит: “Я здесь, рядом, помните!..” Ненавижу тебя. Ты всегда рядом, всегда близко...» [15, с. 65] и т. д. Открыто личностный характер носит эмоциональная ремарка из пьесы «Старосветская любовь», разрывающая сценическое действие: «Мама моя, не умирай!!!!!! Никогда

не умирай, мама!!!! Если ты умрешь, то умрёт всё, всё, всё, что было у меня, умрёт моё детство, умрёт наш старенький дом, не умирай, мама, не умирай, прошу тебя...» [16, с. 293].

Что касается «описательных ремарок», то в них автор может выступать и как беспристрастный создатель, знающий точный возраст, личностные особенности, мысли и факты биографии своих персонажей («Ирина смотрит в зеркало, выпячивает губы... “Красавица!” – думает о себе... Раиса разминается... “Красавица!” – думает она о себе, видя бок свой в зеркале. Ирине тридцать, Раисе двадцать...» [17, с. 126]), и чаще как наблюдатель, «включенный» в происходящее и передающий живые впечатления от него. Во втором случае авторские высказывания характеризуют оценочность («Сидят родственники, пьют горькую. Устроили вот поминки, хоть и нельзя, хоть и не положено по обычаю... Да что им обычай?» [18, с. 344]), часто – сниженность стиля (просторечия, разговорная инвертированность речи, эмоциональность) («Комнатуха в ветеринарной больнице. На стенах несколько оборванных, засиженных мухами плакатов. На них нарисованы коровы, собаки, кошки, лошади. Даже слон один затесался на плакат серого цвета...» [12, с. 207]). Кроме того, в таких ремарках нередко передаются чувственные ощущения стороннего наблюдателя, не связанные с основным действием («На углу у светофора – пекарня. Пахнет хлебом. Мальчики-хлебопёки в белых шапочках, белых рубашках и штанах сидят на крыльце, курят, смеются, руками машут» [19, с. 4]).

Часто в описательных ремарках встречаются маркеры авторской «неуверенности»: *будто, видно, поди, какой-то, где-то* и т. д. Представляется, что такой прием выступает дополнительным сигналом непрочности, нестабильности мира, отраженной в его авторском восприятии.

Таким образом, во всех своих ипостасях – как биографический автор, носитель концепции и субъект речи – автор в пьесах Коляды всегда выступает не только субъектом, но и объектом, не только могущественным демиургом, но и персонажем, наряду с другими действующими лицами испытывающим воздействие деструктивного начала.

Неслучайно, как уже упоминалось ранее, в ремарке из «Полонеза Огинского» «Мой Мир» регулярно противопоставляется «вашему» – внешнему, враждебному, страшному – миру: «Я иду... Я могу смотреть в асфальт, не на лица... Не надо мне никого. Потому что со мной идет во мне Мой Мир»; «Есть и бездомные собаки, которых я подобрал на улице – на вашей, вашей, вашей улице»; «Есть в этом Моем Мире и Бог, МОЙБОГ, не ваш» [9, с. 5] и т. д.

Более того, наличие объективной реальности вне «Моего Мира» не только подтверждает включенность автора в образную систему, характерную для пьес Коляды, но и позволяет объяснить «Мой Мир» как иллюзорное построение – «источник света внутри «чернухи» [20, с. 580], аналогичное тому, которое находят его персонажи в попытке отгородиться от бездуховной реальности. Равным образом, как и прочие действующие лица, автор и его «Мой Мир» не защищены от разрушительного воздействия зла. Так, в «Моем Мире» есть кладбище, и оно «растет с каждым днем» – очевидно, против воли автора; кроме того, дорогая ему баба Шура даже в «Моем Мире» уходит за загадочную дверь, где «до синевы темно, ночь...» [9, с. 6]. Наконец, все авторские ремарки проникнуты ощущением трагизма бытия, предчувствием страшных бед, неуверенностью в истинности, неискаженности происходящего.

Итак, конструкция «Мой Мир» позволяет Н.В. Коляде соединить образы автора-демиурга, творящего условную реальность пьес, и автора-наблюдателя, включенного в систему персонажей. Однако в обоих случаях автор подчиняется онтологическим законам, основанным на инвариантной для всех пьес Коляды эстетико-мировоззренческой модели, и в данном аспекте «Мой Мир» – лишь идеальное инобытие, противопоставленное враждебной внешней действительности.

Список литературы

1. Журчева О.В. Формы выражения авторского сознания в «новой драме» рубежа XIX–XX вв. // Культура и текст. 2001. № 6. С. 138–151.
2. Селютина Е.А. Нарративизация в пьесах Н. Коляды как способ моделирования образа мира в новейшей драматургии // Новейшая драма рубежа XX–XXI веков: проблема действия: Материалы и доклады VI науч.-практ. семинара, посв. памяти Вадима Леванова / Под общ. ред. Т.В. Журчевой. Самар. гос. ун-т. Самара, 2014. С. 103–112.
3. Шлейникова Е.Е. Речь персонажей (Подготовительные материалы Экспериментального словаря русской драматургии рубежа XX–XXI вв.) // Новый филологический вестник. 2011. № 2 (17). С. 135–139.
4. Корман Б.О. Изучение текста художественного произведения. М.: Просвещение, 1972. 110 с.
5. Теория и практика новой драмы (в рамках программы «Новая пьеса» фестиваля «Золотая маска») [Электронный ресурс]: Материалы круглого стола: Москва, 18 марта 2011 г. Режим доступа: http://download.goldenmask.ru/2011/Krugly_stol_text.doc.
6. Шуников В.Л. Нарративизация новейшей российской драмы // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2011. № 7 (69). С. 67–74.

7. Жарский Я.С. Пьесы Николая Коляды: документальность как прием: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург: УГПУ, 2015. 23 с.
8. Старова Е.А. Драматургия Николая Коляды как сверхтекстовое единство: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара: СГУ, 2015. 19 с.
9. Коляда Н.В. Полонез Огинского // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 5. С. 5–64.
10. Булгаков М.А. Театральный роман // Булгаков М.А. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1999. Т. 8. С. 57–203.
11. Коляда Н.В. Персидская сирень // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 8. С. 180–204.
12. Коляда Н.В. Сказка о мертвой царевне // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 5. С. 206–250.
13. Коляда Н.В. Картина // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 8. С. 4–28.
14. Коляда Н.В. Откуда-куда-зачем // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2017. Т. 10. С. 108–124.
15. Коляда Н.В. Канотье // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 5. С. 65–126.
16. Коляда Н.В. Старосветская любовь // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2017. Т. 10. С. 255–298.
17. Коляда Н.В. Кармен жива // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2017. Т. 10. С. 125–146.
18. Коляда Н.В. «Чайка спела...» (Безнадега) // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 4. С. 343–380.
19. Коляда Н.В. «Амиго» // Коляда Н.В. Собрание сочинений: В 12 т. Екатеринбург, 2016. Т. 7. С. 4–58.
20. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. Современная русская литература: 1950–1990-е годы: Учеб. пособие: В 2 т. М.: Академия, 2003. Т. 2. 688 с.

N.V. KOLYADA'S «MY WORLD» AS A MEANS FOR CREATING THE AUTHOR'S CONCEPT

E.I. Kanarskaya

The article is aimed at analyzing the author's concept created in the works by the dramatist N.V. Kolyada and manifested by means of the established literary construct «My World». In the course of the research, we used dialectic, comparative and systems research methods. Interpretation of the side note on «My World» shows that in his plays Kolyada acts at the same time as the demiurge who creates conventional reality of his works and as the spectator who is included in the process of its perception along with the characters. In revealing his concept, the dramatist uses the models of «the biographic author», «the author-carrier of the concept» and «the author-subject of speech». Each of these models reflects the contradistinction of «My World» to the outer hostile reality and the ontological dualism of the playwright's aesthetic and philosophical system in general.

Keywords: Nikolai Kolyada, «My World», paratext, author in dramatical piece, author's concept.

References

1. Zhurcheva O.V. Formy vyrazheniya avtorskogo soznaniya v «novoj drame» rubezha XIX–XX vv. // Kul'tura i tekst. 2001. № 6. S. 138–151.
2. Selyutina E.A. Narrativizatsiya v p'esah N. Kolyady kak sposob modelirovaniya obraza mira v novejshej dramaturgii // Novejshaya drama rubezha XX–XXI vekov: problema dejstviya: Materialy i doklady VI nauch.-prak. seminar, posv. pamyati Vadima Levanova / Pod obshch. red. T.V. Zhurchevoj. Samar. gos. un-t. Samara, 2014. S. 103–112.
3. Shlejnikova E.E. Rech' personazhej (Podgotovitel'nye materialy Ehksperimental'nogo slovary russkoj dramaturgii rubezha XX–XXI vv.) // Novyj filologicheskij vestnik. 2011. № 2 (17). S. 135–139.
4. Korman B.O. Izuchenie teksta hudozhestvennogo proizvedeniya. M.: Prosveshchenie, 1972. 110 s.
5. Teoriya i praktika novej dramy (v ramkah programmy «Novaya p'esa» festivalya «Zolotaya maska») [Elektronnyj resurs]: Materialy kruglogo stola: Moskva, 18 marta 2011 g. Rezhim dostupa: http://download.goldenmask.ru/2011/Krugly_stol_text.doc.
6. Shunikov V.L. Narrativizatsiya novejshej rossijskoj dramy // Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». 2011. № 7 (69). S. 67–74.
7. Zharskij Ya.S. P'esy Nikolaya Kolyady: dokumental'nost' kak priem: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg: UGPU, 2015. 23 s.
8. Starova E.A. Dramaturgiya Nikolaya Kolyady kak sverhtekstovoe edinstvo: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Samara: SGU, 2015. 19 s.
9. Kolyada N.V. Polonez Oginskogo // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2016. T. 5. S. 5–64.
10. Bulgakov M.A. Teatral'nyj roman // Bulgakov M.A. Sbranie sochinenij: V 10 t. M., 1999. T. 8. S. 57–203.
11. Kolyada N.V. Persidskaya siren' // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2016. T. 8. S. 180–204.
12. Kolyada N.V. Skazka o mertvoj carevne // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2016. T. 5. S. 206–250.
13. Kolyada N.V. Kartina // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinbur, 2016. T. 8. S. 4–28.
14. Kolyada N.V. Otkuda-kuda-zachem // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2017. T. 10. S. 108–124.
15. Kolyada N.V. Kanot'e // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2016. T. 5. S. 65–126.
16. Kolyada N.V. Starosvetskaya lyubov' // Kolyada N.V. Sbranie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2017. T. 10. S. 255–298.

17. Kolyada N.V. Karmen zhiva // Kolyada N.V. Sobra-
nie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2017. T. 10.
S. 125–146.

18. Kolyada N.V. «"Chajka spela..." (Beznadega)» //
Kolyada N.V. Sobra-
nie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg,
2016. T. 4. S. 343–380.

19. Kolyada N.V. «Amigo» // Kolyada N.V. Sobra-
nie sochinenij: V 12 t. Ekaterinburg, 2016. T. 7.
S. 4–58.

20. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. Sovremennaya
russkaya literatura: 1950–1990-e gody: Ucheb. posobie:
V 2 t. M.: Akademiya, 2003. T. 2. 688 s.